

Т. Ю. Репина (Ижевск)

**К проблеме выделения повелительного наклонения
в удмуртском языке**

В традиционной лингвистической литературе наклонение определяется как грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т. е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом и выражающая оценку реальности связи между действием и субъектом с точки зрения говорящего лица или волю говорящего к осуществлению или отрицанию этой связи и чаще всего связывается с модальностью [Виноградов 1947: 581], которая находится в тесной связи с такой суперсегментной категорией как интонация, которая в свою очередь может существенно изменять общую семантику форм наклонений [Цыпанов 2005: 33].

Согласимся с тем, что “в индикативе излагается точка зрения говорящего на сообщаемый факт как сопутствующий, предшествующий или будущий реальности” [Володин, Храковский 1986: 64], т. е. индикатив есть такая категория глагола, которая служит для прямой констатации факта в его отношении к действительности как выражение реально происходящего в настоящем,

происходившего в прошлом и происходящего в будущем. При этом говорящий занимает нейтральную позицию по отношению к самому высказыванию, так и к слушающему или адресату высказывания [Цыпанов 2005: 34].

Из этой системы явно выбивается императив, что создало огромное поле деятельности для лингвистов. Еще Р. О. Якобсон заметил, что “подлинный императив обособляется от остальных глагольных категорий” [Якобсон, 1932: 10]. В. В. Виноградов отмечал, что “императив находится в периферии глагольной системы: интонация, синтаксические значения, строение повелительного наклонения решительно выдвигают его из общей системы глагола и других наклонений” [Виноградов 1938: 459].

В теоретических концепциях первой половины XX века, как отмечает В. С. Храковский, повелительному предложению уделялось относительно мало внимания, несмотря на то, что они составляют значительную часть речевой продукции человека, и с их помощью регулируется общественно-производственная деятельность. Предполагают, это связано с тем, что язык моделировался как система, относительно независимая от говорящего человека. Исследователей в основном интересовало устройство языка, а не проблемы его использования человеком. В том числе и кажущаяся простая структура повелительных предложений не привлекала исследователей.

В свете же нового подхода к языку как к средству коммуникации возникает проблема делового общения и правил, которые надо соблюдать в процессе речи [Храковский 1992: 6]. Поэтому с коммуникативно-прагматической точки зрения императив определяется как некая форма или особое наклонение, противопоставленное индикативу, со значением апелляции, т. е. прямого волеизъявления говорящего относительно исполнения называемого действия.

Императивные высказывания, обязывающие или запрещающие, или разрешающие выполнить некоторое действие, относятся к нормативным высказываниям, прескриптивное содержание которых определяется отношениями в момент побуждения между двумя объектами, из которых первый обязывает второго выполнить / не выполнить каузируемое действие [Бирюлин 1985: 32], и мы имеем следующих участников речевого акта: говорящего-прескриптора и слушателя-исполнителя.

Побудительная модальность выражается в языке главным образом глагольными словоформами прямого повелительного наклонения, называемыми прототипическими (А. В. Бондарко) или ядерными, представляющими ядро данной категории (или центр ФСП императивности по А. В. Бондарко). Безусловно, это формы глаголов 2 лица ед. и мн. числа, побуждение в которых непосредственно адресуется слушателю-исполнителю, что обуславливает ситуацию прямого общения. С морфологической точки зрения такие формы являются синтетическими, т. е. грамматическое значение побуждения передается посредством одной глагольной словоформы.

Однако используются и другие средства для выражения данного значения: прежде всего это аналитические конструкции типа глагол + глагол, частица + глагол, формы других наклонений, различные части речи и др., где часто слушающий 2 лица не является исполнителем действия, но побуждение

адресовано 1 или 3 лицу. В этой связи существует полемика среди лингвистов, относить ли данные формы к императиву. В этой проблеме ставит точку над *i* Л. А. Бирюлин. Суть его высказывания сводится к тому, что данные императивные высказывания, во-первых, имеют значение побуждения, во-вторых, в них просто меняются речевые роли, т. е. это ситуация косвенного побуждения; и в-третьих, это есть чистые аналитические формы императива.

В удмуртском языке в основном употребляются аналитические формы типа частица + глагол, где частица относится к соответствующему семантическому классу [Ушаков 1990: 43], т. е. они выражают волеизъявление, призыв, побуждение. Глагол же, в свою очередь, формально представлен в будущем времени, что не противоречит семантике императива в целом, т. к. каузизируемое действие всегда направлено на реализацию нереального или это есть перспектива в будущем [Бондарко 1990: 80].

Все остальные формы также выражают побуждение, но апелляция в них ослаблена субъективными оттенками экспрессии, выражающимися формами сослагательного и других наклонений, частей речи (частицы, междометия). Они составляют периферийную зону императива.

Таким образом, наряду с констатацией действия говорящий вкладывает свою оценку как желательного, возможного при определенных условиях и т. д.

Интонационно эти предложения отличаются особой модуляцией голоса и по сравнению с другими типами имеют более высокий тон. Обычно повышение делается на ведущем члене побудительного предложения. В зависимости от логического ударения предложения могут иметь восходящий, нисходящий, восходяще-нисходящий, нисходяще-восходящий интонационные контуры [ГСУЯ 1970: 29].

Что же касается словесного ударения, как известно, в удмуртском языке оно фиксированное и падает, главным образом, на гласный последнего слога. Однако в глаголах 2 лица единственного и множественного числа в повелительном наклонении ударение падает на первый слог словоформы [Тараканов 1998: 73–75]. Здесь ударение имеет смысловоразличительную функцию. Например, *мынэ* (идет – индикатив) – *мынэ* (иди – императив). Также при выражении повеления, приказания, имеющего характер категоричного высказывания, ударение перемещается с первого слога глагольной основы на гласную отрицательной частицы. Например: *мынэ* (идите) – *эн мынэ* (не идите).

Среди лингвистов-русистов, а также финно-угроведов ведется полемика, относить ли данное наклонение к прямым или к косвенным. Например, В. Б. Касевич считает, что “императив соотносится не с модальной, а с коммуникативной рамкой, обеспечивая выражение побудительности как прямого волеизъявления, в противоположность сообщению и вопросу” [Касевич 1988: 204]. С другой стороны, принимая во внимание всю специфику в семантике и грамматической маркировке, тем более прохибитивную парадигму императива, правомерно отнести данное наклонение к косвенным. Подтверждает данное утверждение еще и то, что зарубежные финно-угроведы, а именно профессор Э. Винклер тоже видит императив в системе косвенных (*ireal moods*), а не прямых (*real moods*) [Winkler 2001: 49], обосновывая свое мнение тем, что па-

радикам грамматических форм ущербна: маркированы только формы 2 и 3 лица единственного и множественного лица [Winkler 2001: 51].

Список литературы

- Бирюлин Л. А.* Императивы в акте речи // Лингвистические исследования. Грамматические категории в разносистемных языках. М., 1985.
- Бирюлин Л. А.* Модальность желания и значение императива // Лингвистические исследования. Общие и специальные вопросы языковой типологии. М., 1987.
- Бирюлин Л. А.* Императивная парадигма: содержательная структура и механизмы маркировки // Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992.
- Бирюлин Л. А.* Побуждение к действию в актах речи // Теории функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990.
- Бондарко А. В.* К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные конструкции // Теории функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990.
- Виноградов В. В.* Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1938. Вып. 2.
- Володин А. П., Храковский В. С.* Типология морфологических категорий глагола // Типология морфологических категорий. М., 1975.
- Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения // Записки УдНИИ ист., экон., яз. и лит. Филология. Ижевск: Удмуртия, 1970.
- Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1972.
- Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988.
- Тараканов И. В.* Исследования и размышления об удмуртском языке. Ижевск, 1998.
- Ушаков Г. А.* Textoобразующие функции удмуртских междометий // Вопросы грамматики и контактирования языков. Ижевск, 1990.
- Храковский В. С., Володин А. П.* Семантика и типология императивных конструкций. Русский императив. Л.: Наука, 1986.
- Храковский В. С.* Повелительность // Теории функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990.
- Цыпанов Е. А.* Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар, 2005.
- Winkler E.* Udmurt // Languages of the World / Materials 212. Linkom Europa, 2001.